

Отпуск в октябре

Утро 30 сентября у отца начинается с встречи с Сукарно. Сначала в течение часа они беседуют один на один, потом беседа продолжается в присутствии официальных лиц обеих стран. В полдень отец распрощался с Сукарно и уже через час улетел в Крым. Вести за себя заседание Президиума ЦК он поручил Подгорному. Накануне отлета он попросил Микояна

встретиться с Галюковым, обо всем его расспросить, а потом пересказать ему. Анастас Иванович тоже собирался в отпуск.

«Думаю, Брежнева и Подгорного к этому делу пристегнули. А в отношении Шелепина и Семичастного не могу судить, я их не знаю», – вяло заметил в своих мемуарах Микоян.

Отец эту тему развивать не захотел, как я уже отмечал, он Шелепину и Семичастному верил.

Самолет отца приземлился в Симферополе 30 сентября 1964 года ближе к вечеру. Вместе с отцом в Крым прилетел Поляков, секретарь ЦК, отвечавший за сельские дела. На аэродроме их встречал Петр Ефимович Шелест и другие руководители Украины. Шелест все знал, первый разговор с ним Брежнев провел еще в марте. Именно потому он вел себя подобоострастно, демонстрировал, я бы сказал, особую услужливость. Пока доехали до дачи в Ливадии, стемнело, от общего обеда отец отказался, попросил его извинить, он очень устал.

На следующее утро все вместе поехали в птицеводческий совхоз «Южный», затем на бройлерную фабрику соседнего совхоза «Красный». Судя по дневниковым записям Шелеста, отец вел себя как обычно, вникал в суть, интересовался, как содержат птиц, чем кормят. Кормили кур как придется, в американские инструкции и не заглядывали, а потому в весе они прибавляли плохо. Отец расстроился. «Мы потерпели там поражение, – признается он. – Купили в США технологию производства куриного мяса. Построили фабрику в Крыму. Не умеем мы, к сожалению, даже перенести к себе то, что имеется в капиталистических хозяйствах».

Шелест ожидал разноса, но разноса не последовало. Впервые за много лет доклад крымских птицеводов оставил отца если не равнодушным, то почти равнодушным. Он выговорил им за нарушение американской технологии, но формально. Шелест отметил, что отец казался ему подавленным, менее уверенным, чем обычно, пожаловался на Брежнева, назвал его «пустым человеком». О Подгорном сказал, что пока большой отдачи от него не видит, ожидал большего.

«Крепко ругал идеологов, называл их “начетчиками”, оторванными от реальной жизни, Сулова назвал “человеком в футляре”», – пишет Шелест.

«Президиум наш, – Шелест цитирует отца, – сообщество стариков. Надо думать. В его составе много любящих поговорить, а работать – нет. Вот соберем Пленум и там поставим каждого на свое место, укажем, кому и где надо работать. Мне перевалило за семьдесят лет, бодрость и энергия уже далеко не та, надо думать о достойной замене. Мы не вечны, пройдет пара лет, и многие из нас уйдут на покой. Я стою за то, чтобы на руководящую работу выдвигать молодых, лет эдак в сорок – сорок пять».

В тот же день Шелест о разговоре с отцом доложил Брежневу и Подгорному.

«Брежнев предчувствовал, что если допустить вопрос до ноябрьского Пленума, – отмечает Шелест, – то ему первому “укажут место”. Он смертельно боялся предстоящего Пленума, и ему оставалось – либо форсировать “дело” с Хрущевым, или сдаться. Последнего мы опасались больше всего и настаивали на скорейшей развязке “дела”».

Тем временем в Москве в приготовления к «делу» вовлекались все новые и новые люди. Особую роль в сколачивании антихрущевского большинства на предстоящем внеочередном Пленуме ЦК сыграл Николай Романович Миронов, с 1959 года заведующий Отделом административных органов ЦК. Отец его хорошо знал, при нем он работал секретарем Кировоградского обкома, оттуда, после ареста Сталиным очередной команды чекистов-абакумовцев, его перевели в госбезопасность начальником Управления военной контрразведки. Позднее он возглавил управление КГБ по Ленинградской области. В ЦК его привел Козлов, но в душе Миронов оставался человеком Брежнева, до войны они вместе работали в Днепродзержинске на Украине, где и сдружились. Миронов, убежденный сталинист, не любил Хрущева и с готовностью принял предложение Брежнева о сотрудничестве. По долгу службы

он общался с секретарями обкомов, министрами, высшими генералами, теми, кто входил в номенклатуру ЦК и, не вызывая подозрений, мог прощупать любого из них и при положительной реакции вовлечь в заговор.

Обработкой «промышленников» занимался Устинов. «В сентябре 1964 года, как-то вечером меня пригласил к себе Устинов, – вспоминал Владимир Николаевич Новиков. – Я отвечал тогда за СЭВ... и мой кабинет, как и кабинет Устинова, располагался в Кремле в одном коридоре. Я зашел к нему. У него сидел Александр Михайлович Тарасов, его заместитель по ВСНХ (в правительстве Косыгина он станет министром автомобильной промышленности). С места в карьер пошел разговор о предстоящем, причем не в ноябре, как намечалось, а на днях, Пленуме ЦК. Меня попросили подготовить два выступления, разоблачающие безобразия, “вытворяемые Хрущевым”, одно – Устинову, другое для себя.

– Хрущева снимают? – спросил я. Устинов подтвердил.

– Какая позиция военных и КГБ? – уточнил я расклад сил.

– Все в порядке, они с нами, – получил я ответ. Я согласился. Читатели могут по-разному меня судить, но так было. В течение трех дней мы с Тарасовым все подготовили. Устинов внес поправки, теперь оставалось ждать приезда Хрущева.

Каково мое мнение о Хрущеве? Ему был присущ природный ум. Считаю эксперимент с совнархозами не ошибкой, а порождением требованиями жизни. Хрущев очень быстро решал оперативные вопросы».

Среди «комсомольцев»-шелепинцев особой активностью отличился Егорычев. По его собственным словам, он склонил на сторону заговорщиков «президента Академии наук Келдыша, министров Вячеслава Петровича Елютина, Анатолия Ивановича Костоусова, Евгения Федоровича Кожевникова, председателя исполкома Ленсовета Василия Яковлевича Исаева, первого секретаря Ленинградского горкома партии Георгия Ивановича Попова, вице-президента Академии наук Владимира Алексеевича Кириллина».

А вот Суслов – с ним Егорычев заговорил в июне 1964 года в Париже, где они оказались вместе в составе советской делегации, – от разговора уклонился. Так же, как и первый секретарь ЦК партии Литвы Антас Юозович Снечкус, – с ним Егорычев безрезультатно пытался установить контакт в августе 1964 года в Паланге, куда специально приехал для «наведения мостов».

Не повезло Егорычеву и с секретарем Ленинградского обкома Василием Сергеевичем Толстиковым, тот, по словам Николая Григорьевича, так и не понял, о чем идет речь, и убеждал его, что «Хрущев – молоток!». «К моим доводам Толстиков остался глух», – заключает Егорычев.

«Откровенно негативно к планам смещения Хрущева отнесся Михаил Авксентьевич Лесечко, заместитель Председателя Совета Министров СССР, – продолжает Егорычев, – я его хорошо знал еще по работе в райкоме партии, он у нас в районе директорствовал на Заводе счетно-аналитических машин. В беседе со мной он сказал: “Имей в виду – лучше после Хрущева не будет”».

В Крыму отец задерживаться не стал. Посетовал Шелесту на погоду, она действительно не радовала, постоянно дул холодный ветер, а когда стихал, начинал моросить дождик. И на душе отца было под стать погоде – угрюмо, и на месте ему не сиделось.

2 октября Шелест провожал отца в Симферопольском аэропорту, тот решил перелететь в Пицунду. Там 3 октября отец принимает очередную группу японских парламентариев во главе с господином Айитиро Фудзиямой. На следующий день он встретился с парламентариями из Пакистана.

Микоян пригласил к себе Галюкова 2 октября после работы в резиденцию на Воробьевых горах. Вечер запомнился мне своим холодом, а на следующее утро в Москве выпал снег. Я сидел в уголке кабинета и по просьбе Анастаса Ивановича записывал их беседу. Разговор

оставил у меня неприятный осадок, поведение Микояна показалось мне неискренним. Он явно страховался... то ли на будущее, то ли просто по давней, усвоенной со сталинских времен привычке. Галюков тоже почувствовал его незаинтересованность и, уезжая, выглядел расстроенным и, казалось, жалел, что ввязался в такое опасное дело. И не напрасно, мы оба крепко сидели на крючке у Семичастного, каждый наш шаг фиксировался.

Микоян улетел в Пицунду на следующее утро. Я оформил на работе отпуск и через неделю последовал за ним.

Приехав в Пицунду, я застал там почти идиллическую обстановку, отец гулял с Микояном по парку, плавал в бассейне, а вечером смотрел кинофильмы.

Тогда с отцом поехал единственный помощник Владимир Семенович Лебедев. Редакционная группа, стенографистки оставались в Москве, ждали вызова со дня на день, но вызов не последовал. Отсутствовал в Пицунде и начальник охраны отца полковник Литовченко, Семичастный его «отпустил отдохнуть». Вместо него временно назначили майора Василия Бунаева.

Из Москвы я захватил с собой первый номер нового журнала «Химия и жизнь». Он получился красочным, привлекательным, именно таким, как хотел отец, когда предлагал запустить популярное издание, доносящее до рядового читателя информацию о привносимых в нашу жизнь достижениях химии. Я думал, отец обрадуется, но он перелистал журнал и оставил его лежать на обеденном столе.

Утром 12 октября 1964 года в трехместной королёвской капсуле «Восход» вывели на орбиту космонавтов Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова. Днем отец с Микояном говорили с ними по радио, а вечером последовал звонок из Москвы: отца настойчиво «приглашали» приехать, так как при подготовке к ноябрьскому Пленуму возникли не разрешимые без него вопросы. Что это за вопросы, сомнений не возникло ни у отца, ни у меня, ни у Микояна.